

УДК 159.9.018

Осорина М.В., Устинова В.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**Как вербализовать «неявное знание»
в процессе психологического интервьюирования:
продуктивные идеи из смежных практик**

**How to Verbalize Tacit Knowledge During a Psychological Interview:
the Resourceful Ideas from Other Domains**

Аннотация

Статья посвящена проблеме психологического интервьюирования, направленного на извлечение неявного знания, которым обладает человек. По разным причинам носитель такого знания может не осознавать его наличия, не быть способным его когнитивно обработать и словесно оформить, а иногда хочет его утаить. Для расширения методических возможностей глубинного интервьюирования, применяемого психологами в исследовательских целях, авторы привлекают редкий и малоизвестный материал – методику допроса военнопленных, использовавшуюся советскими военными разведчиками времен Великой отечественной войны и методику проведения полицейского «когнитивного интервью», разработанного в США для сбора информации у свидетелей преступления.

Ключевые слова: психологическое интервьюирование, неявное знание, экспликация знания, «когнитивное интервью», методы допроса

Abstract

This article explores the problem of conducting a psychological interview aimed at eliciting tacit knowledge. For various reasons a person who has this kind of knowledge may not be aware of its presence, may not be able to process and verbalize it or may be unwilling to share it. In order to enrich the method of the in-depth interview used for psychological research we turn to unusual and little-known material – the methods used by the Soviet intelligence during World War II for prisoners of war interrogation and the methods of the police, “a cognitive interview”, created in the USA to question the witnesses.

Keywords: psychological interview, tacit knowledge, explication of knowledge, «cognitive interview», interrogation methods

Введение

Неявное знание – по-английски «tacit knowledge» – это термин, обозначающий чрезвычайно интересный для психолога объект научного исследования, который все больше привлекает внимание как теоретиков, так и практиков, работающих в разных областях психологии.

Словосочетание «tacit knowledge» можно перевести на русский язык по-разному. В синонимичном ряду вариантов перевода каждое слово будет передавать свой оттенок этого понятия. Чаще всего «tacit knowledge» переводится как «неявное знание», т.е. не выявленное, существующее скрытно, не обнаруживающее себя. Однако «tacit knowledge» можно назвать и «молчаливым знанием», потому что человек – носитель такого знания – обычно не может передать его другим людям, поскольку не всегда понимает, что он этим знанием обладает, а также не может найти слов и не способен сформулировать высказывания. Еще «tacit knowledge» можно обозначить как «внутреннее знание», что подчеркнет его глубинный характер – в явной форме оно не выходит на поверхность. Кроме того tacit knowledge всегда является «личностным знанием» и присуще конкретному человеку как его обладателю.

Термин «tacit knowledge» был введен в научный обиход Майклом Полани. Он является ключевым в его знаменитой книге «Личностное знание: На пути к посткритической философии» («Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy»), впервые опубликованной в 1958 году (Полани, 1985, 1995). В дальнейшем Полани написал еще несколько книг, затрагивающих тему неявного знания. Это были «The Study of Man» (1964) (Polanyi, 1964), «The Tacit Dimension» (1966) (Polanyi, 1966), «Knowing and Being» (1969) (Polanyi, 1969), к сожалению, еще не переведенные на русский язык. Сейчас этот термин широко используется философами, психологами, управленцами и экономистами для обозначения того вида знания, которое напрямую не передать словами, но которое во многом определяет то, как человек действует.

О возможностях экспликации «неявного знания»

Для психолога интригующим моментом в концепции М. Полани о «tacit knowledge» является его утверждение о том, что это молчаливое знание

нельзя ни полностью извлечь, ни передать словами. Ведь необходимость эксплицировать потаенное знание, которое человек в себе несет, возникает в реальной жизни очень часто. Например, когда прекрасный специалист уходит на пенсию и желательно передать молодым сотрудникам его опыт. Или когда человек был свидетелем ужасного происшествия, которое его потрясло и которое он не хочет вспоминать, но необходимо взять у него показания максимально полным образом. Разнообразие таких примеров велико – в реальной жизни проблема экспликации имплицитного встает очень часто. Трудность ее решения состоит в том, что, во-первых, нужно понять, возможно ли найти способы сделать тайное знание явным, а во-вторых, догадаться, как совладать с сопротивлением того человека, знания которого кто-то хочет сделать общим достоянием. Иногда бывает, что носитель такого знания не осознает того, чем обладает. Иногда осознает, но не знает, как передать. Иногда осознает частично или полностью, но не хочет передавать ничего. Основная проблема, которой будет посвящено дальнейшее изложение, состоит в том, возможно ли, хотя бы частично, извлечь «tacit knowledge» какими-нибудь психологически, социально и морально приемлемыми способами и каким образом это можно осуществить.

При обсуждении возможностей экспликации имплицитного нельзя не отметить, что и до М. Полани люди чувствовали, что существует потаенное личностное знание: интуитивное понимание этого есть у каждого нормального человека. Действительно, если считать знанием определенным образом структурированный опыт, зафиксированный в живом, тем более – обладающем психикой организме, то любое существо таким знанием обладает.

С точки зрения эволюционной теории Дарвина и биогенетического закона, тело каждого существа несет в себе в свернутом виде всю филогенетическую историю развития жизни на Земле (Мюллер, Геккель, 1940).

Для разных этапов развития психологии характерно обсуждение проблем, безусловно связанных с темой имплицитного знания. Психологи уверены, что человек осознает только небольшую часть того объема психического опыта, которым он обладает. В этом плане любая психоаналитическая сессия может быть рассмотрена как сеанс извлечения неявного знания пациента. Даже современная экспериментальная психология приходит к выводу о том, что можно достаточно строгими методами изучать когнитивное бессознательное (Аллахвердов и др., 2006), принимающее активное участие и в создании ментальных репрезентаций, и в организации различных видов деятельности.

Можно сказать, что большая часть психологического инструментария как раз и предназначена для того, чтобы извлечь из человека тот психический опыт, который он в себе несет, но не может или не собирается делать его явным. Представляется, что психологи, работающие в разных областях, понимают «tacit knowledge» (правда, не называя его так), шире, чем М. Полани, который, прежде всего, был методологом науки. Понимание М. Полани несколько уже – он мыслит «tacit knowledge» как умение что-то делать, которое человек-мастер несет в себе, но по собственной воле не может им поделиться, даже если имеет такое желание.

Интервьюирование как способ экспликации «неявного знания»

Интересной и практически значимой проблемой экспликации неявного знания является изучение возможностей глубинного психологического интервью, позволяющего проникнуть в сокровенные, мало осознаваемые слои субъективного опыта личности. Интервьюирование подобного рода используется для решения многих научно-исследовательских и практических задач. Особенно важен такой метод для тех, кто предпочитает качественно-феноменологический дизайн исследования.

Этот метод можно конструктивно использовать и как самостоятельный, и в совокупности с другими методиками, в частности, для интервьюирования в ходе изучения процессов мышления и понимания, чем на разном материале в течение нескольких лет занимались авторы этой статьи и их ближайшие коллеги (Осорина, Щербакова, Аванесян, 2011; Аванесян, 2015; Щербакова, 2009, 2010; Осорина, 2014; Устинова, 2013).

Методы интервьюирования и методики обучения искусству интервьюера претерпели значительную эволюцию на протяжении XX века и особенно активно разрабатывались представителями социальных наук (Белановский, 2001). Современные модификации техники интервьюирования гораздо более, чем это было раньше, психологически ориентированы на носителя знаний, с которым проводится беседа. Привлекательность глубинного интервью состоит в том, что хотя это метод открытого и активного выспрашивания, в его основе лежит партнерское, гуманное, уважительное отношение к интервьюируемому. Он рассматривается как *уникальный эксперт* в отношении собственного психического опыта, который является предметом интереса для интервьюера.

Ключевым моментом построения современного глубинного интервью является технология индивидуализированной беседы, «скроенной (tailored) по свидетелю», как его иногда называют американские психологи, развивающие эту технологию (Fisher, Geiselman, 2010, p. 323). Уникальным свойством такого интервью является его интерактивность. Метафорически можно сказать, что в данном случае интервьюируемый напоминает Аладдина – владельца пещеры с сокровищами, который нечаянно где-то оставил ключи от двери в пещеру. А интервьюер помогает ему найти ключи, и поэтому Аладдин приглашает его вместе с ним зайти в пещеру и полюбоваться сокровищами.

Конкретные способы реализации такого интервью: налаживание контакта с интервьюируемым, создание настроения на совместную работу,

техника формулирования вопросов и т.п., создавались очень постепенно, но особенно активно это происходило на протяжении последней четверти XX века. Интересно, что наиболее продуктивная работа в области создания технологии глубинного интервью проводилась не в основном русле развития психологической науки – интервьюирование обычно было на периферии исследовательских методов. Наиболее динамично и продуктивно метод интервью развивался в практических сферах, где требовалось при дефиците времени и в условиях стресса добыть полноценную информацию, которой некто обладает, но по каким-то причинам не хочет или не может ее актуализировать и сообщить. В более сложных ситуациях интервьюер мог вообще не знать, какой информацией и в каком объеме обладает ее носитель и насколько он захочет ею поделиться.

Извлечение «неявного знания» в процессе психологического интервьюирования в практике военных разведчиков и криминалистов

Интересные для современного психолога-интервьюера эффективные способы и методы экспликации «tacit knowledge» были когда-то разработаны в различных и часто неожиданных практических сферах для решения конкретных задач. Например, это работа разведчиков, работа полицейских, работа врачей, восстанавливающих личностную историю тех, кто полностью потерял память, работа когитологов, стремящихся зафиксировать производственный опыт и тайны мастерства уходящих на пенсию специалистов (Гаврилова, Червинская, 1992; Червинская, Щелкова, 2002; Червинская, 2010) и т.п. Поскольку многие из этих материалов малоизвестны или практически не знакомы психологам-исследователям, мы хотели бы проанализировать и обобщить совокупность принципов и конкретных технологий, которые можно извлечь из описанных выше практик. Они могут быть продуктивно использованы в тех областях научно-психологических исследований, которые требуют экспликации неявного знания.

С *технологической* стороны наиболее интересными для анализа оказались два направления: когнитивное интервьюирование в практике американских криминалистов и допрос военнопленных советскими армейскими разведчиками во время Великой отечественной войны. Важно отметить, что содержательная работа по развитию конкретных техник извлечения и передачи неявного знания велась параллельно и независимо как в США, так и в СССР. Не столь важно, как называли свою деятельность специалисты той и другой страны, сколь важно, что они двигались схожими путями и получали близкие результаты, *ничего не зная друг о друге*. То, что сейчас можно назвать глубинным психологически ориентированным интервью, во многих отношениях оформилось как у нас, так и за рубежом в сугубо прикладных областях.

В Америке подобный вид интервьюирования наиболее активно развивался в полицейской практике допроса свидетелей и потерпевших. Когда оказалось, что традиционный полицейский допрос (называемый у них интервью) малоэффективен, в 1980-е годы американские психологи Р.Е. Гейзельман и Р. Фишер решили помочь полиции США и создали новый метод (Geiselman et al., 1984), который они назвали когнитивным интервью и об истории появления которого мы поговорим в последней части статьи.

В Советском Союзе традиционное интервьюирование, используемое социологами и психологами, имело свою собственную историю. По мнению С. Белановского, наиболее крупного российского эксперта в области интервьюирования, в СССР оно «отставало по фазе» от американцев и западноевропейцев (Белановский, 2001). Однако, как нам удалось обнаружить, в СССР существовали и собственные наработки, которые вообще никогда не упоминаются в психологических источниках. Наиболее психологически интересным и специфичным видом интервьюирования, оформившимся во время Великой отечественной войны и использовавшимся в целях сбора разведанных, была методика допроса военнопленных.

Анализа психологических аспектов тактики сбора информации при помощи такого интервью нельзя найти ни в одном российском обзоре методов интервьюирования. Но то, каковы принципы проведения этих интервью, оказалось возможным разыскать в книгах-пособиях для военных разведчиков, опубликованных в 1940-е – начале 1950-х годов и переизданных недавно. Психологам они практически неизвестны. Тактика подобного интервью представляет большой интерес, поскольку в нем учитывается множество психологических аспектов, на которые сейчас не привыкли обращать внимание. Поэтому мы посчитали важным уделить особое внимание работе военных разведчиков СССР времен Великой отечественной войны, чтобы оживить этот материал и использовать анализ их наиболее полезных достижений как информацию к размышлению, которая может пригодиться для осмысления принципов глубинного интервью, практикуемого в современных исследованиях.

Чем помогут психологу знания о методах работы военных разведчиков

Материал, посвященный принципам и методам извлечения «неявного знания» военными разведчиками, был тщательно собран уже в конце Великой отечественной войны. Он представлен в современном издании под названием «Допрос военнопленных» (Сурин, 2003). Это уникальное пособие было составлено на основе методических разработок, сделанных для фронтовых разведчиков советской армии во второй половине Великой отечественной войны и обобщенных в конце 1940-х годов. Напечатанные в нем документы представляют большой интерес. Материал, на котором они основаны, был добыт лучшими военными разведчиками Красной армии, а затем, говоря современным языком, обработан хорошим «когитологом»: он эксплицировал и обобщил живой опыт этих профессионалов, причем без потери его своеобразия. В пособии системно учтены мельчайшие детали фронтового быта и такие подробности, на которые могли обратить внимание

только опытные фронтовики. Интересно, что в дальнейшем, в пособиях 1950-60-х и далее годов эти подробности исчезли, что заметно обеднило подобные руководства. Общие принципы сбора информации, которые использовались военными разведчиками, оказались чрезвычайно психологичными. Самое интересное, что на многие важные детали, которые полезно учесть и при использовании интервью в психологических исследованиях, современные психологи не обращают внимания.

Рассмотрим перечень наиболее важных моментов допроса, которые обсуждаются в пособии «Допрос военнопленных» и сопоставим их с соответствующими моментами интервьюирования в ситуациях психологического исследования.

Во-первых, разведчиков также как и современных психологов-исследователей волновала тема отбора испытуемых. Разведчики отмечали, что при массовом захвате в плен военнослужащих разных рангов бывает трудно правильно отобрать пленных, подлежащих допросу. Этот выбор у разведчиков зависит от поставленной им задачи. Однако в пособии отмечается, что «неинтересных пленных нет», т.е. при вдумчивом и правильно организованном допросе любой пленный может стать информантом, даже если он считает, что ничего не знает. Так, пленный повар может стать источником сведений об изменении состава военнослужащих противника на основе того, какие продукты и в каком количестве ему привозились, и на сколько человек он готовил.

Аналогично – и для психолога не должно быть неинтересных испытуемых. Психолог, имеющий интерес к партнеру, способен добыть ценный исследовательский материал у любого испытуемого.

Во-вторых, разведчики всегда учитывали пол, возраст, степень общего развития и культуры, а также принадлежность пленных к определенным воинским частям. При допросе пленных рекомендовалось обращать внимание на их личные вещи, представляющие *субъективную ценность для*

их хозяина, потому что эти вещи могут рассказать о личностных ценностях и характерных чертах военнопленного (скупости, привязанности к семье, суеверии, религиозности и пр.) и использовать их в процессе взаимодействия с ним.

Отметим, что опытный психолог обычно также обращает внимание на индивидуальные особенности, говорящие о принадлежности партнера к определенному социальному кругу, на символические предметы и элементы внешности, характеризующие его личность. Однако в современных описаниях того, как надо проводить интервью, невозможно встретить рассуждений на эту тему, тем более с такой степенью конкретности и полноты. Хотя это было бы очень полезно.

В-третьих, офицеру-разведчику рекомендовали внимательно наблюдать за невербальным поведением своего партнера. Во времена, когда писалось пособие, такого термина как «невербальное поведение» не существовало. Но присутствовало понимание того, чем важна возможность полностью видеть выражение лица и позы пленного и наблюдать за ним во время допроса. Поэтому в пособии уделяется много места описанию технических приемов предметно-пространственной организации ситуации общения с военнопленным, которые позволили бы отслеживать изменения эмоционального состояния собеседника.

В обязанности допрашивающего офицера входило создание обстановки (как предметно-ситуативной, так и социальной и нравственной), в которой происходил допрос. Учитывалось все: размер комнаты, характер мебели, расположение окон и дверей, освещенность, присутствие других людей (их не должно было быть), отсутствие оружия и каких-либо изображений и информации на стенах. Считалось важным присутствие карты, используя которую пленный мог параллельно показывать расположение тех объектов, о которых упоминал в своих показаниях. (Отметим, что лист бумаги, на

котором участник исследования может изобразить то, о чем рассказывает, также является важным подспорьем для психолога).

Проблема тщательного продумывания и планомерной организации предметно-пространственной ситуации, в которой будет проходить интервьюирование, должна быть значима для психолога. Как ни странно, ее чаще учитывают другие практики, например, менеджеры по персоналу, организаторы официальных и неофициальных встреч, но не профессиональные психологи, занимающиеся исследовательской работой. Хотя когда психолог ставит себе задачу экспликации имплицитного знания своего партнера, то обязан создать максимально удобную ситуацию, как для партнера, так и для самого себя.

В-четвертых, разведчик должен был уметь учитывать эмоциональное и физическое состояние пленного (нередко они были ранены). В пособии имеются интересные рекомендации по поводу того, как работать с теми, кто находится в плохом психофизиологическом состоянии, не используя его в ущерб пленному. Отмечено, что многие тяжелораненые пленные считали себя выбывшими из строя и не обязанными придерживаться присяги по отношению к собственной армии, из-за чего они легко сотрудничали с допрашивающими. Также имелась целая система мер при допросе тех, кто активно не желал сотрудничать.

В-пятых, особое внимание уделялось созданию *максимально плотного контакта* между допрашивающим и пленным. Одним из важных способов обеспечения этого являлось требование к переводчикам, которые должны были хорошо знать даже местные диалекты того языка, на котором говорит военнопленный. Считалось желательным, чтобы офицер-разведчик сам владел языком допрашиваемого, чтобы быть способным задавать вопросы *точно и быстро*, поскольку это помогает *добывать важную информацию наиболее полно*. Поэтому существенным параметром, определявшим

профессионализм и ценность разведчика, являлось знание им иностранных языков.

Также уделялось пристальное внимание и характеру постановки вопросов. Считалось, что хороший вопрос ставится *ясно, четко, просто и конкретно*, что особенно важно при допросе военнопленных с низким уровнем интеллектуального развития и низким военным статусом. Утверждалось, что чем проще поставлен вопрос, тем яснее будет ответ. Только при допросе офицеров вопросы усложнялись и давались в обобщенной форме.

Это совпадает с мнением современных психологов, что ведущий интервью должен обязательно разговаривать на языке партнера в буквальном и переносном смысле слова.

Считалось, что вопросы должны были ставиться таким образом, чтобы *пленный не догадался, какие темы являются предметом наибольшего интереса* со стороны допрашивающего (этот аспект нередко важен и для психолога). Поэтому существовало требование не помещать вместе тех, кто ждет допроса, и кого уже допросили, а также не помещать военнопленных офицеров вместе с их солдатами, чтобы офицеры не оказывали влияния на подчиненных.

Как мы видим, в военно-полевой обстановке армейской разведкой тщательно учитывались многие социально-психологические факторы, детерминирующие успешность и скорость процесса сбора интересующей информации.

В-шестых, целенаправленно создавался идеализированный образ допрашивающего: его облик, выправка, двигательное и речевое поведение. Он должен был быть образцом спокойствия, целенаправленности, быстроты и точности. Требовалось, чтобы он имел высокую осведомленность в той сфере, которая была предметом особого интереса на допросе.

Тема осознания себя как представителя профессионального сообщества, следование профессиональному этикету и этике, оформление своей внешности и формирование поведения, соответствующего исполняемой роли, также важны для психолога, вступающего в плотный контакт со своим партнером в процессе глубинного интервьюирования.

Существует устойчивое предубеждение психологов по отношению к допросу и негативный образ такого способа «интервьюирования». Несмотря на одиозность сравнения офицера-разведчика и психолога-интервьюера, считаем полезным это сделать и выделить сходство и различия в организации их работы.

- Военные разведчики обращают внимание на более *широкий набор учитываемых параметров* ситуации, чем психологи.
- Военные разведчики концентрируются на *имеющемся*: они действуют по принципу «здесь и сейчас», лучше вписаны в реальную ситуацию. Разведчики ведут допрос: а) в соответствии с актуальным состоянием партнера; б) учитывают, отслеживают и регулируют свое собственное состояние и поведение, понимая его значимость в процессе коммуникации с партнером; в) тонко учитывают все элементы окружающей среды – особенности интерьера, пространственное расположение участников ситуации и их невербальную коммуникацию; г) не допускают появления посторонних лиц и какой-либо информации, поступающей извне.
- Психологи скорее настроены на *желаемое*: на то, какую обстановку надо создать и в какое состояние желательно привести клиента, однако, не всегда полноценно обдумывают желаемое и не полностью переводят его в действительное.
- Психологи, как и военные разведчики, иногда осознанно, а иногда интуитивно, склонны действовать на основе старых, испытанных веками воинских принципов, которым разведчиков учат. Это принципы: «здесь и сейчас», «исхожу из обстоятельств», «помню свою задачу».

– Психологи, как и военные разведчики, стараются учитывать индивидуальность и самобытность партнера, стремятся установить с ним «плотный» контакт на разных уровнях взаимодействия, чтобы эффективнее выполнить задачу сбора информации, осознают свою принадлежность к профессиональному сообществу и стараются вести себя в соответствии с принципами профессиональной этики.

Когнитивное интервью в криминалистике

Теперь рассмотрим другой вид профессионального интервьюирования с психологической «подкладкой», который у нас также назывался бы допросом (свидетелей происшествия), но в США, где эта технология была разработана, его официальное название – «когнитивное интервью». Оно интересно для анализа в рамках данной статьи по нескольким причинам.

Во-первых, метод был создан гораздо позже, чем советские пособия по допросу военнопленных, в другую эпоху (1980-е гг. и далее совершенствовался) и на другом континенте, в другой культуре (США). Однако он также использовался в стрессовой для интервьюируемого ситуации, когда ему нередко было крайне неприятно, нежелательно и страшно вспоминать то, чему он был свидетелем. Это отчасти роднит его с участником боевых действий, которого допрашивает военный разведчик.

Во-вторых, принципы и техники когнитивного интервью создавались профессиональными американскими психологами как альтернатива традиционному, топорно-прямолинейному и недостаточно эффективному методу «полицейского интервью», которое повсеместно практиковалось в США. В основу нового метода были положены достижения когнитивной психологии, поэтому он называется когнитивным интервью.

В-третьих, и это самое важное, когнитивное интервью – метод экспликации неявного знания, реализуемый в крайне неблагоприятной для такой экспликации ситуации: нехватка времени, стресс от пережитого,

нежелание свидетеля вспоминать, иногда – желание утаить часть информации, страх за свою жизнь и т.п. Здесь интервьюер сталкивается со всеми психологическими опасностями, которых хотелось бы избежать в процессе сбора достоверной информации.

Метод когнитивного интервью был разработан Эдвардом Гейзелемманом из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и Рональдом Фишером из Международного университета во Флориде в 1980-е годы для качественного улучшения сбора информации при опросе очевидцев и потерпевших. Для этого ими были заимствованы некоторые методы когнитивной психологии, используемые для улучшения процессов воспоминания. В 1980-е годы принципы когнитивного интервьюирования были адаптированы к задачам криминалистики, а затем была опробована и сама методика ведения такого интервью (Geiselman, Fisher et al., 1984, 1986, 1987). Далее в 1990-е годы были созданы программы по обучению полицейских технике когнитивного интервью, которая требовала определенных навыков. Результат десятилетних исследований особенностей построения когнитивного интервью в криминалистике, учета его эффективности и принципов обучения такому интервьюированию представлен в монографии Фишера и Гейзелеммана, опубликованной в 1992 году (Fisher, Geiselman, 1992).

В публикациях 2000–2010 годов когнитивное интервьюирование еще считается новейшей разработкой как в американской криминалистической литературе, так и в российской (Халперн, 2000; Fisher, Geiselman, 2010).

Гейзелемман и Фишер исследовали эффективность сбора информации у свидетелей преступлений при помощи двух вариантов интервьюирования: нового «когнитивного» и традиционного «полицейского». Эти исследования показали, что полнота собранной информации в когнитивном интервью увеличивается как минимум на 25-35% по сравнению с полицейским (Fisher, Geiselman, Amador, 1989).

Кратко опишем основные задачи такого интервьюирования и выделим наиболее важные и новые аспекты взаимодействия обоих участников – спрашивающего и отвечающего, которые могут быть полезны любому психологу, совершенствующемуся в практике интервьюирования для извлечения неявного знания.

- В процессе проведения когнитивного интервью считается принципиально важным сформировать *внутреннее согласие* свидетеля на восстановление произошедших событий в памяти. Чтобы свидетель смог вспомнить, необходимо его возвращение в то душевное состояние и состояние сознания, которое было у него в момент происшествия. Препятствием для восстановления контакта с собственными впечатлениями и переживаниями этого является внутреннее нежелание свидетеля возвращаться к этому событию.
- Требуется в полной мере учесть индивидуальные характеристики свидетеля – его пол, возраст, этническую принадлежность, особенности интеллекта, эмоциональное реагирование и т.п.
- Необходимо уметь гибко менять характер интервью в зависимости от особенностей личности интервьюируемого. Оно должно быть «скроено по свидетелю».
- Надо обеспечить максимальную *плотность контакта* со свидетелем и использовать для этого тот язык, лексикон и стилистику, которые понятны интервьюируемому и используются им самим.
- Необходимо помочь свидетелю сохранять состояние фокусированной концентрации на обсуждаемых событиях и не отвлекаться.
- Постоянно удерживать свидетеля на самом конкретном уровне работы с информацией, поскольку важны мельчайшие детали. Не допускать ухода свидетеля на уровень обобщенных описаний и общих мест.

Обсудим описанные выше пункты. Как можно заметить, все шесть задач, стоящих перед криминалистами, стоят и перед психологами,

пытающимися эксплицировать отдельные аспекты ментального опыта человека.

Даже если психолог проводит глубинное постэкспериментальное интервью после сложной интеллектуальной работы, проделанной испытуемым, то велика вероятность, что он столкнется с теми же проблемами.

Если участник интеллектуального тестирования был не вполне успешен, то он также как и свидетель преступления может испытывать неприятные чувства при возвращении к тому материалу, с которым не справился. У него также придется формировать внутреннее согласие на возврат к этому опыту. Также необходимо будет учитывать индивидуальные особенности партнера, добиваться плотности контакта с ним, регулировать уровень конкретизации его воспоминаний и описаний и при этом говорить на его языке.

А в целом, мы видим, что мировоззренческая основа такого типа интервью базируется на идеях гуманистической психологии. Принципы ориентации на партнера, плотного контакта с ним, внимания и уважения к нему, разговора на его языке уходит своими корнями в роджерсианские идеи психотерапии, ориентированной на клиента и разработанной еще в 1950-1960-е годы.

Заключение

Итак, неявное знание – это потаенное, скрытое, внутренне присущее человеку опытное знание, которое не актуализировано в словесной форме. Носитель этого знания не осознает его, но активно использует. По сути именно сам субъект потенциально является главным экспертом по отношению к этому знанию, но чаще всего не может им овладеть и его передать. Объем этого «молчаливого» знания гораздо больше того рационального и оречевленного багажа знаний, который имеет любой

человек. Неявное знание глубоко индивидуально, личностно и во многом определяет потенциал человека, его скрытые и реализуемые возможности. Но для того, чтобы субъект смог им осознанно воспользоваться во благо себе или другим людям, ему бывает необходим помощник. В некоторых ситуациях таким помощником может стать опытный интервьюер.

Майкл Полани называл такое знание «молчаливым», так как считал, что оно не вербализуемо. Однако на современном этапе развития психологической науки и практики в определенных ситуациях обнаруживаются новые возможности частичной экспликации молчаливого знания, которое становится «говорящим», а потому передаваемым. Одним из эффективных способов экспликации этого знания является глубинное интервьюирование. Технология проведения такого интервью непрерывно обогащается, впитывая опыт и психологические находки профессионалов разных специальностей, иногда внешне совершенно далеких от основного русла развития психологической науки. Если психолог проявит интерес к таким «латеральным» практикам, то сможет обнаружить драгоценные подсказки, а иногда и готовые приемы, которые обогатят его умения собирать необходимую и ценную для него информацию.

Список использованных источников

- Аванесян М.О. Исследование понимания словесных и рисованных метафор (кейс-стади) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. Вып. 4, 2015. С. 21-32.
- Аллахвердов В.М. и др. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
- Белановский С.А. Глубокое интервью: Учебное пособие. М., Никколо-Медиа, 2001.
- Гаврилова Т.А., Червинская К.Р. Извлечение и структурирование знаний для экспертных систем. М., Радио и связь, 1992.
- Мюллер Ф., Геккель Э. Основной биогенетический закон. М., Л., Изд-во Академии наук СССР, 1940.

- Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – Михельсон А.Д., 1865. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/375/ЭКСПЕРТ (дата обращения: 20.05.2016).
- Осорина М.В. К вопросу о качественной и количественной оценке уровней понимания изобразительного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2014. Вып. 3. С. 21-36.
- Осорина М.В., Щербакова О.В., Аванесян М.О. Проблемы метакогнитивной регуляции: нормативные требования и непродуктивные паттерны интеллектуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2011. Вып. 1. С. 32-43.
- Полани Майкл URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%E8,%CC%E9%EA%EB> (дата обращения: 22.03.2016).
- Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского. М., 1985 (1-е изд.), 1995 (2-е изд.).
- Сурин С.И. Допрос военнопленных. Отв. ред. М.В. Захаров. М., Самиздат, 2003.
- Устинова В.А. Постэкспериментальное интервьюирование в исследованиях понятийного мышления // Выпускная квалификационная работа (на правах рукописи)/ науч. рук. М.В. Осорина. СПб., СПбГУ, 2013.
- Халперн Д. Психология критического мышления. СПб., Питер, 2000.
- Червинская К.Р. Психология извлечения экспертных знаний субъектов труда: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. СПб., 2010.
- Червинская К.Р., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика и инженерия знаний. М., Издательский центр «Академия», 2002.
- Щербакова О.В. Интеллектуальные действия, опосредующие понимание комического // Психологические проблемы самореализации личности // Вып. 13 / Под ред. Л.А. Коростылевой. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 224-235.
- Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания комического. Дисс. на соискание ... канд. психол. наук. СПб., 2009.
- Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.
- Fisher R.P., Geiselman R.E., The Cognitive Interview method of conducting police interviews: Eliciting extensive information and promoting Therapeutic Jurisprudence. International Journal of Law and Psychiatry, 2010. Pp. 321-328.
- Fisher R.P., Geiselman R.E., Amador M. Field test of the cognitive interview: Enhancing the recollection of actual victims and witnesses of crime. Journal of Applied Psychology, 1989. Vol. 74. № 5. Pp. 722-727.
- Fisher R.P., Geiselman R.E., Raymond D.S., Jurkevich L.M., Warhaftig M.L. Enhancing enhanced eyewitness memory: Refining the cognitive interview. Journal of Police Science and Administration, 1987. № 15. Pp. 291-297.
- Geiselman R.E., Fischer R.P., Cohen G., Holland H.L., Surtes L. Eyewitness responses to leading and misleading questions under the cognitive interview. Journal of Police Science and Administration, 1986. № 14. Pp. 31-39.

- Geiselman R.E., Fisher R.P., Firstenberg I., Hutton L.A., Sullivan S.J., Avetissain I.V., Prosk A.L. Enhancement of eyewitness memory: An empirical evaluation of the cognitive interview. *Journal of Police Science and Administration*, 1984. Vol. 12. № 1. Pp. 74-80.
- Michael Polanyi URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Michael_Polanyi (дата обращения: 22.03.2016).
- Polanyi M. *Knowing and Being*. Edited with an introduction by Marjorie Grene. University of Chicago Press and (UK) Routledge and Kegan Paul, 1969.
- Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. University of Chicago Press, 1958.
- Polanyi M. *Science, Faith, and Society*. Oxford Univ. Press, 1946 (Reprinted by the University of Chicago Press, 1964).
- Polanyi M. *The Study of Man*. University of Chicago Press, 1964.
- Polanyi M. *The Tacit Dimension*. London, Routledge, 1966 (University of Chicago Press, 2009 reprint).

References

- Avanesian M.O. Issledovanie ponimaniia slovesnykh i risovannykh metafor (keis-stadi) [Understanding of verbal and pictorial metaphors (case study)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. Series 16. 2015. Vol. 4, pp. 21-32. (In Russian)
- Allakhverdov V.M. et al. dr. *Eksperimental'naia psikhologiya poznaniia: kognitivnaia logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental psychology of cognition: cognitive logic of conscious and unconscious mind]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. (In Russian)
- Belanovskii S.A. *Glubokoe interv'iu: Uchebnoe posobie* [In-depth interview. Textbook]. Moscow, Nikkolo-Media Publ., 2001. (In Russian)
- Gavrilova T.A., Chervinskaia K.R. *Iz vlechenie i strukturirovanie znaniia dlia ekspertnykh sistem* [Eliciting and structuring information for expert systems]. Moscow, Radio i sviaz' Publ., 1992. (In Russian)
- Miuller F., Gekkel' E. *Osnovnoi biogeneticheskii zakon* [The fundamental biogenetic law]. M., L., Publ. of Akademiia nauk SSSR, 1940. (In Russian)
- Ob"iasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii iazyk, s oznacheniem ikh kornei [Explanation the meaning of 25000 foreign words that are used in the Russian language with radices provided]. Mikhel'son A.D., 1865. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fw/375/ЭКСПЕПТ (accessed: 20.05.2016). (In Russian)
- Osorina M.V. K voprosu o kachestvennoi i kolichestvennoi otsenke urovnei ponimaniia izobrazitel'nogo teksta [On the problem of quantitative and qualitative assessment of understanding iconic texts] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. Series 16. 2014. Vol. 3, pp. 21-36. (In Russian)
- Osorina M.V., Shcherbakova O.V., Avanesian M.O. *Problemy metakognitivnoi reguliatsii: normativnye trebovaniia i neproduktivnye patterny intellektual'noi deiatel'nosti* [The

- problems of metacognitive regulation: normative standards and invalid patterns of intellectual performance] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. Series 12. 2011. Vol. 1, pp. 32-43. (In Russian)
- Polani M. Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoj filosofii [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy] / Per. s angl. M.B. Gnedovskogo. Moscow, 1985 (1-e izd.), 1995 (2-e izd.). (In Russian)
- Surin S.I. Dopros voennoplennykh [Prisoner of war interrogation]. Otv. red. M.V. Zakharov. Moscow, Samizdat, 2003. (In Russian)
- Polani Maikl. Available at:
https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%ED%E8,_%CC%E0%E9%EA%EB
 (accessed: 22.03.2016). (In Russian)
- Ustinova V.A. Posteksperimental'noe interv'uirovanie v issledovaniiah poniatinogo myshleniia [Postexperimental interviewing in the studies of conceptual thinking] // Vypusknaia kvalifikatsionnaia rabota (na pravakh rukopisi) / nauch. ruk. M.V. Osorina. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2013. (In Russian)
- Khalpern D. Psikhologiya kriticheskogo myshleniia [The psychology of critical thinking]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. (In Russian)
- Chervinskaia K.R. Psikhologiya izvlecheniia ekspertnykh znaniy sub"ektov truda [The psychology of eliciting expert knowledge from working people]: Avtoref. diss. ... d-ra psikhol. nauk. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
- Chervinskaia K.R., Shchelkova O.Iu. Meditsinskaia psikhodiagnostika i inzheneriia znaniy [Medical psychodiagnosics and knowledge engineering]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2002. (In Russian)
- Shcherbakova O.V. Intellektual'nye deistviia, oposreduiushchie ponimanie komicheskogo [Intellectual actions by which we understand the comic] // Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti // Vol. 13 / Pod red. L.A. Korostylevoi. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2010, pp. 224-235. (In Russian)
- Shcherbakova O.V. Kognitivnye mekhanizmy ponimaniia komicheskogo [Cognitive mechanisms of understanding the comic]. Diss. na soiskanie ... kand. psikhol. nauk. St. Petersburg, 2009. (In Russian)
- Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.
- Fisher R.P., Geiselman R.E., The Cognitive Interview method of conducting police interviews: Eliciting extensive information and promoting Therapeutic Jurisprudence. International Journal of Law and Psychiatry, 2010. Pp. 321-328.
- Fisher R.P., Geiselman R.E., Amador M. Field test of the cognitive interview: Enhancing the recollection of actual victims and witnesses of crime. Journal of Applied Psychology, 1989. Vol. 74. № 5. Pp. 722-727.
- Fisher R.P., Geiselman R.E., Raymond D.S., Jurkevich L.M., Warhaftig M.L. Enhancing enhanced eyewitness memory: Refining the cognitive interview. Journal of Police Science and Administration, 1987. № 15. Pp. 291-297.
- Geiselman R.E., Fischer R.P., Cohen G., Holland H.L., Surtes L. Eyewitness responses to leading and misleading questions under the cognitive interview. Journal of Police Science and Administration, 1986. № 14. Pp. 31-39.

- Geiselman R.E., Fisher R.P., Firstenberg I., Hutton L.A., Sullivan S.J., Avetissain I.V., Prosk A.L. Enhancement of eyewitness memory: An empirical evaluation of the cognitive interview. *Journal of Police Science and Administration*, 1984. Vol. 12. № 1. Pp. 74-80.
- Michael Polanyi. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Michael_Polanyi (accessed: 22.03.2016).
- Polanyi M. *Knowing and Being*. Edited with an introduction by Marjorie Grene. University of Chicago Press and (UK) Routledge and Kegan Paul, 1969.
- Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. University of Chicago Press, 1958.
- Polanyi M. *Science, Faith, and Society*. Oxford Univ. Press, 1946 (Reprinted by the University of Chicago Press, 1964).
- Polanyi M. *The Study of Man*. University of Chicago Press, 1964.
- Polanyi M. *The Tacit Dimension*. London, Routledge, 1966 (University of Chicago Press, 2009 reprint).